

Рассказ о пушкаре Гараняне

(Очерк)

Вот что мне поведал товарищ, свидетельствующий с Героем Советского Союза Ервандом Гараняном.

Встретились, познакомились...

— Садись, пожалуйста! А если устал больше своих сапог, — пошутит Гаранян, — ложись тут, на траве — улыбаясь, шуря глаза на мои сапоги, серые от дорожной пыли, сказал он. Он смугл. У него живое и подвижное лицо и орлиный профиль.

Солнце садится за дальними холмами, и длинные красные полосы, расходясь по обе стороны диска, окрашивают все ярче и ярче низы молочно-белых кучевых облаков... Тихий летний вечер.

— Все еще непривычна эта тишина, знаешь, особенно мне — «пушкарю». А ведь совсем недавно ни днем, ни ночью не умолкало мое орудие... Так и не остывало до нового боя. Вимой ребята грелись возле него! — опять пошутил он.

— Рассказывай! Скажи, когда начал воевать?

— Воевать — немцев побивать, тогда и начал! В сорок первом.

— Ну, а в качестве кого ты немца побивал?

— Я? — Гаранян приосанился. — Как командир орудия гвардейского стрелкового краснознаменного ордена Суворова полка Черниговской дивизии!

— В сентябре сорок второго, — продолжает он, — я воевал уже под Сталинградом. Там я был до ликвидации немецкой группировки.

Он очень скупно говорит о себе. — Участвовал на фронтах: Западном Центральном, и Первом Белорусском.

На груди его орден Красной Звезды и медаль «За оборону Сталинграда». Расспрашивая его товарищей

однопольчан, удается представить себе картину, в которой постепенно вырисовывается ясный облик этого скромного и мужественного человека.

Герой Советского Союза Е. Гаранян.

И вот предстает пред нами одно из славных его деяний, свершенных в крепком содружестве с русскими людьми и с украинцами, отвоевывавшими у черного врага (свою землю, свою красавицу — реку, несущую влагу и жизнь тучным полям, бахчам и садам родимой Украины).

Это было осенью сорок третьего года. Наша войска, осуществляя генеральные предначертания Сталина, в

упорных боях с жестоко огрызающимся немецким зверем, подошли к Днепру. Они охватывают уже снова наш восточный берег, чтобы переправиться на западный.

Если для немецкого солдата эти шумные волны перекатные и эта отражающая облака быстрина — только обороняемый «водный рубеж», то для наших подошедших воинов это прежде всего Днепр, великая и родная река. Ревет и стонет Днепр широкий... И само полноводье его, словно душа русской реки, пробуждает такие смелые, умные решения ведения боя за переправу, пред которыми не устоять немцам ни за какими «бронями».

И тогда здесь разыгрался тот бой, бой советских воинов, который думается, историки могут назвать классическим боем нашей эпохи, отличным от боев иных стран и времен. Бой за нашу, за свою широкую как песня реку, за ласковую землю отцов... Здесь храбрость, не голая, а со смекалкой, умение ударить, словно богатырской палицей, не дав врагу опомниться.

И какое чутье, казалось бы, неожиданно — негаданно приходило в эти часы в бойца, помогая ему тысячью способов удивить, напугать врага, ни на миг не упуская своей заветной цели — наметенного рубежа, куста ракиты у овражка на отмели; и в самую трудную минуту не покидающая вера в свое правое дело. И всколыхнулось гордое мужество, и принято верное решение... И дружно — каждый за всех — берутся расстроить воинов вражью силу, метко дав ей по зубам своим оружием, заставив ее огонь

хоть на этот один нужный миг потухнуть, навалиться на врага, побить его, не добить, так погнать, но — победить. Так было в этот день. И с того крутого, осыпающегося под обстрелом берега, лавиной скатившись к реке, под огнем противника, подавляемым нашим, на лодках, на плотках и в плывав, держась за плот одною рукой, а другою высоко держа винтовку и боевые припасы, идут-плывут воины через Днепр, великую реку. С передовой группой переправляется на плот Гаранян со своей замечательной русской пушкой. Вот он перебегает без лишних, резких движений с левого «борта» на правый, заметив, что плот в быстром течении на самой середине реки кренился левым «бортом»... Мокрый не от воды, а от пота работает, направляя плот, весь орудийный расчет.

— Эх, молчит моя пушка... Ничего, — шестом уже бьем, веслом бьем немца, понимаешь? А ну, поддавай! Шумят волны, накатываются сзади на плот, словно сами торопят его. Иль это почудилось? — нет, это и впрямь их одобрительный рокот...

Переправлено первое орудие на скалистый западный берег Днепра!

И тут — кто скажет «нечеловеческой» силой? — всею силой человека-героя, с помощью товарищей, по пояс в воде, Гаранян выкатывает на хрустящую гальку свою пушку и, быстрым взглядом оценив место, ставит ее в тотчас же найденной каменистой складке берега. И шквальным огнем в упор расстреливает опалелых немцев, а затем, отбивая их контратаки, обеспечивает продвижение высадившейся группы нашей пехоты. И вот

она уже все более и более расширяет свое поле действия, закрепляясь на заветном правом берегу Днепра.

Меняя прицел, одну за другой раздробляет Гаранян огневые укрепленные точки противника. Быстрота, смелый натиск, распорядительность, собранные в один комок целеустремленной воли, помогают совершить это... Обстрел переправы «снят»! Саперы могут заканчивать наведение понтонных мостов. Переправленным второму, третьему, десятому орудиям уже почти нечего делать на берегу. Они движутся дальше на запад — бить врага, не выдержавшего первой, героической атаки... Уже перешел — переплыл реку Суворовский полк, идут новые и новые силы, нанесут они немцам мощный удар.

С тою же страстью Ерванд Гаранян обрел этот берег великой реки его родины, с какою бы он, если б это понадобилось, обрел берег Зангу в своей Армении, или берег Ингура — в Абхазии, где он работал в колхозе и вступил в ряды партии большевиков. Родина едина.

Вперед на запад, на запад, друзья! И Гаранян пошел со своим полком, с братьями — украинцами и русскими, со своей пушкой вперед, ту же храбрость и находчивость проявив в последующих боях под Калиновичами и в боях за многие другие населенные места. Со слезами радости выходили к ним навстречу и чернобровые и голубоглазые, молодые и старые женщины с детьми, и слепой старик пел им старинную военную песню, а над головами пролетали ласточки, ища свои разоренные гнезда. И на глазах воинов из пепелищ, выростали незатейливые жилища, и ласточки уже ютились под временной соломенной кровлей жилищ людей, которые вновь обрели свои очаги.

Александр СТЕПАНЗ.